

УДК 821.512.111.01–1:398.2
DOI 10.31483/r-113014

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ МИФОЛОГИИ В ЧУВАШСКОЙ ПОЭЗИИ

Никифорова Вера Витальевна

канд. филол. наук, старший научный сотрудник
БНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования Чувашской Республики
г. Чебоксары, Чувашская Республика
<https://orcid.org/0000-0003-0175-5678>, e-mail: vera.nickiforova@yandex.ru

***Аннотация:** взаимодействие мифа и литературы является актуальной литературоведческой проблемой. Мифологические темы, сюжеты, мотивы, образы используются и переосмысливаются в чувашской литературе на всем протяжении ее истории. Основной целью данного исследования является изучение особенностей отражения мифологии в чувашской поэзии. В качестве материалов для исследования послужили наиболее яркие поэтические произведения чувашских авторов, созданные в XX – начале XXI вв., в структуре которых важную роль играют мифологические элементы. Основными являются описательный и системный методы. В статье впервые представлен обзорный анализ чувашской поэзии XX – начала XXI в. с точки зрения заявленной темы. Ее изучение продемонстрировало, что в поэтических произведениях миф отражается более чем заметно. В них выявляются структурные и содержательные элементы мифа, а также признаки мифологического мышления и мифологической картины мира. Проведенное исследование показало, что миф является одним из источников художественного творчества. В перспективе предполагается проанализировать особенности функционирования мифа в прозе и драматургии. Полученные результаты могут быть использованы при изучении проблемы национальной идентичности в чувашской литературе.*

***Ключевые слова:** миф и литература, мифология, чувашская поэзия, XX – начало XXI вв.*

***Для цитирования:** Никифорова В. В. Отражение национальной мифологии в чувашской поэзии // Этническая культура. 2024. Том 6, №. 4.*

REFLECTION OF NATIONAL MYTHOLOGY IN CHUVASH POETRY

Vera V. Nikiforova

Chuvash State Institute of Humanities,
Cheboksary, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0003-0175-5678>, e-mail: vera.nickiforova@yandex.ru

Abstract: *the interaction of myth and literature is an urgent literary problem. Mythological themes, plots, motifs, and images are used and reinterpreted in Chuvash literature throughout its history. The main purpose of this study is to study the peculiarities of the reflection of mythology in Chuvash poetry. The most striking poetic works of Chuvash authors, created within the chronological boundaries of the XX – early XXI century, in the structure of which mythological elements play an important role, served as materials for the study. The main ones are descriptive and systematic methods. For the first time, the article presents an overview analysis of Chuvash poetry of the XX – early XXI century from the point of view of the stated theme. Her study demonstrated that the myth is noticeably reflected in poetic works. They reveal the structural and meaningful elements of myth, as well as signs of mythological thinking and mythological worldview. The conducted research has shown that myth is one of the sources of artistic creativity. In the future, it is supposed to analyze the features of the functioning of myth in prose and drama. The results obtained can be used in the study of the problem of national identity in Chuvash literature.*

Keywords: *myth and literature, mythology, Chuvash poetry, XX – early XXI centuries.*

For citation: Nikiforova V. V. (2024). Reflection of National Mythology in Chuvash Poetry. *Etnicheskaya kultura = Ethnic culture*. 6 (4),

Введение

Проблема функционирования мифа в чувашской литературе на сегодняшний день является малоизученной. Исследователями затронуты лишь отдельные ее стороны. В частности, некоторые аспекты воспроизведения мифологического начала в чувашской поэзии с конца XIX (с момента создания первого лиро-эпического произведения чувашской литературы – поэмы «Арçури» М. Ф. Федорова («Леший», 1884)) до начала XXI в. рассмотрены в публикациях С. А. Александрова, Ю. М. Артемьева, В. Г. Родионова, И. В. Софроновой, Г. И. Федорова, А. П. Хузангая.

Трудности при разработке данной темы также обусловлены тем, что взаимодействие мифа и литературы на разных этапах истории происходило по-разному. В частности, на рубеже XX–XXI вв. роль мифа в чувашской литературе возрастает. Изучение лишь данного обстоятельства может стать поводом для отдельных научных работ.

Важнейшие задачи нашего исследования – выявление форм присутствия мифологии в чувашской поэзии; обнаружение в ней аспектов мифологии, которые получили наиболее яркое воплощение и оказали влияние на структурно-семантические особенности произведений; анализ отдельных сторон функционирования мифа на разных уровнях поэтики: сюжете, композиции, системе персонажей, хронотопе; раскрытие общих особенностей трансформации мифологических элементов в поэтические тексты.

Материалы и методы исследования

Материалом для решения исследовательских задач послужили поэтические тексты чувашских авторов, созданные в XX – начале XXI вв. Анализ проблемы сквозь длительный временной промежуток позволяет выявить общие закономерности проявления и функционирования мифа в литературе. В связи с этим наиболее востребованными оказались описательный и системный методы.

Результаты исследования и их обсуждение

Мифология заметно отражается в художественной литературе. Она проявляется и на семантическом, и на композиционном, формальном уровнях литературного текста. Мифологические элементы находятся на поверхности и в глубине литературы. Мифологизм в мировой литературе в большей степени характерен для XX в.¹, особым образом он проявился в XXI в.

Обращение писателя к мифу нередко становится отправной точкой построения сюжета произведения, что проявляется уже в его названии, или же структурирует сюжет как мифологическую реальность (см., например: поэму «Арçури» М. Ф. Федорова, трагедию в стихах «Киремет» («Киреметь», 1994) Н. А. Петровского-Теветкеля).

В чувашской словесности миф проявляет себя чаще всего путем включения в литературный текст мифологических образов, мотивов, реминисценций, сюжетов; на уровне подтекста, аллюзии. Мифология в литературном тексте способна наполнить его особым содержанием, расширить и углубить его смысловое поле, и даже стать строительным материалом для создания художественной реальности в постмодернизме. В постмодернистских текстах (конец XX – начало XXI в.) наблюдается более свободное обращение с мифологическим прошлым или традиционным мифом – так называемая игра с мифом (В. В. Степанов). Нередко в таких произведениях мифологическое время вытесняет реальное историческое. Но при всей огромной значимости универсалий, восходящих к архаике, нельзя преувеличивать их роль в литературе и соглашаться с широко бытующим представлением о тотальном мифологизме искусства и литературы. «Собственно мифологическое и мифопоэтическое начало и (шире) сфера бытийных универсалий (при всей ее важности) далеко не исчерпывает того, что художественно познается и осваивается. Эта лишь одна из граней тематики искусства»².

Поэма К. В. Иванова «Нарспи» (1908) – гениальное произведение чувашской литературы. В ней и в трагедии «Шуйттан чури» («Раб дьявола», 1907) автор создает «колорит особого мифологического времени, которое лишено каких-то исторически достоверных примет, событий, дат, фактов, запечатленных в документах и т. д. Отсюда – особое внимание к внутреннему миру человека, движениям души, медитативность, а анализ социальной жизни, тем более общественно-политических событий и перемен – не столь актуальны»³. Пространство под названием «Сильби» правомерно интерпретировать как мифологиче-

¹ Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. 3-е издание, репринтное. Москва : Восточная литература, 2000. С. 295.

² Хализев В. Е. Теория литературы: учеб. Москва : Высшая школа, 1999. С. 43.

³ Артемьев Ю. М. Константин Иванов: Жизнь. Судьба. Бессмертие. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2013. С. 111.

ское царство, полностью очищенное от иноязычного, инобытийного, инокультурного влияния, православно-церковной опеки над сильбийцами⁴.

Литературовед С. А. Александров отмечает, что мифопоэтическое мышление в «Нарспи» выявляется на различных уровнях организации структуры текста⁵. В структуре поэмы им обнаруживается аналог мифологической модели мира, с присущими ей бинарными оппозициями.

В мифологической модели мира и в ее варианте мирового древа наиболее распространены оппозиции верха – низа, неба – земли, земли – подземелья. В поэме отмечается цикличность происходящих событий. Цикличность – одна из неперенных характеристик мифологического мышления. В тексте также выделяется оппозиция цветовых характеристик: белый – черный, усиливающее сущностную оппозицию жизнь – смерть. В первой главе налицо торжество света, связанное с неоднократным упоминанием солнца и возрождающейся жизни в природе. В финале преобладают черные краски: в черную ночь разбойники убивают родителей Нарспи и Сетнера, прибежавшего на зов о помощи, в темном гробу вечно покоится Нарспи. Для мифологической картины мира характерно противопоставление огня – воде, мокрого – сухому и т. д. Если в первой строфе и далее мы видим неоднократное упоминание жарких лучей солнца, то последняя строфа описывает обряд полива могилы Нарспи водой, когда долго нет дождя.

В «Нарспи» раскрываются мифологические представления народа, оживает магия. Здесь будто бы Всевышний и Солнце следят и направляют жизнь чувашского народа. Сильбияне при проведении обрядов, связанных с годовым и жизненными циклами, используют соответствующие ритуалы, словесность. Их действия, произносимые слова и жертвоприношения направлены на умиротворение добрых и злых духов. Без этого, по их убеждению, может случиться несчастье. Для создания трагической коллизии, объяснения судьбы героев поэт нередко специально развертывает фабульные действия в контексте сакральных обрядов (отдельные фрагменты свадебного обряда, мать Сетнера идет к старику-ворожею). По наблюдениям российских исследователей, «нет в мировой поэзии аналогов мягкому мифологизму и духопронизанности Иванова, внутреннему взгляду на зеркальное отражение природы в душе лирического героя»⁶.

Для поэзии М. Сеспеля важен мифопоэтический, архетипический образ моста. С одной стороны – это образ интернационала, «весь в цветах, опускающийся на новый путь, по которому должен взойти на небо (?) “сильный, с новым сердцем, в солнечном одеянии, чуваш нового века”, которого радостно обнимает Новый День (Сёнё Кун Аки)? Этот “мост”, очевидно, восходит к образу радуги (асамат кёперё), “небесного моста”, а “новый чуваш” – это близкий аналог ницшевского сверхчеловека» [Хузангай, 2017, с. 77]. Можно предположить, что идею интернационала М. Сеспель понимал вполне по-коммунистически и од-

⁴ Там же. С. 135.

⁵ Александров С. А. Поэтика К. Иванова. Вопросы метода, жанра, стиля. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 1990. С. 148.

⁶ Леонидов А. Л. Жизнь как эпос, или творчество Константина Иванова в контексте мировой культуры // ЛИК. 2011. № 2. С. 138.

новременно в чувашско-мифологическом ключе («Кёпер хывър» («Проложите мост»), 1921). С другой стороны, сам М. Сеспель как поэт, как культурный герой нации (*çён чăвашĕн çён поэтĕ*), демиург, стал как бы мостом между разными народами и культурами. Он стал «огненным ангелом нации», «выступал как посредник между народом (*хура халăх*) и высшими силами (*çўлти хăватсем*), т. е. богами⁷. Важно, что слова, связанные со стихией огня, наиболее многочисленны в словаре поэта. Источником огня является верх, небесный свод. Огонь-глагол должен очистить и сферу культуры, оздоравливая ее к приходу нового лика и света (*çёнĕ сăн çутти*). М. Сеспель и был сам новым духом (*çён сывлăш*) и новым ликом (*çёнĕ сăн*)⁸. Личность М. Сеспеля, таким образом, стала восприниматься последующими поколениями читателей практически в ряду мифологических персонажей.

Цикл стихов «Тилли юррисем» («Песни Тилли», 1962) П. П. Хузангая – одно из самых значительных его произведений. В нем проявляется космологизм мышления чувашей, что подчеркивается всей атмосферой, окружающим миром. «В этом стройном космосе народного бытия, рядом с современными реалиями находятся пласты мифологического мироощущения, т. е. лики и предметы еще не “расколдованного” мира. Пронзительный талант поэта проник в глубинные колодцы “коллективного бессознательного” чувашского народа, из этих колодцев он черпает неуывдаемые ценности, краски, идеи. Так вновь оживают архетипические образы»⁹. В тексте наблюдается продолжение традиций К. В. Иванова. Вырисовываются очертания мифологического пространства, которое способствует углубленному восприятию лирическим героем жизни отдельного человека в контексте вечности. Мифологическая картина мира чувашей в произведении П. П. Хузангая также обнаруживается в отражении связи между живыми и мертвыми, которая никогда не прекращается; мифического (циклического) восприятия времени, в котором все снова повторяется.

Г. Н. Айги воспринимал поэзию как священнодействие. Следует учесть, что существует Г. Н. Айги чувашский и русский. Но между произведениями, созданными на этих двух языках, имеется глубокая связь. Исследователь его творчества А. П. Хузангай, точно отметил, что русскоязычная картина мира поэта надстраивается на чувашской почве, чувашской топики, которая имплицитно присутствует в его текстах. «В глубине просвечивают чувашские “элементы” и архетипы, некие духовные силы, мифологемы, скрытые чувашские реалии и опять же чувашские “воспоминания”» [Хузангай, 2017, с. 294]. Топосы поле и лес Г. Н. Айги восходят к архетипам чувашского мифологического универсума. В них, согласно канону чувашской природосообразной этики, хранится след божьего присутствия («Розы – покинутость») [Хузангай, 2017, с. 143].

«Глаза полей» – так называются французская и шведская версии антологии чувашской поэзии, подготовленные и изданные Г. Н. Айги и Г. Ф. Юмартом

⁷ Хузангай А. П. Михаил Сеспель как чувашский культурный герой XX века // Мильоном стих мой повторен... Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2012. С. 216, 217.

⁸ Там же. С. 229.

⁹ Чувашская литература: учебник для 10–11 классов русскоязычных школ. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2003. С. 161.

(1996, 2004). Данная антология состоит из трех частей: 1) устных текстов (молитв, заклинаний, заговоров), отражающих традиционную чувашскую веру; 2) речей и песен; 3) стихотворений и этнографических очерков нового времени. В третьей части представлены собственно поэты от Хведи Чуваша до М. Карягиной. «Это все единый духовный мир (Чăваш тĕнчи), в котором достойно представлены боги и люди, одушевленная природа, растения и животные. Единство земного и иного, потустороннего миров, почитание старших, семья и родные – а в основе всего труд, и жизнь проходит по строгим, хотя и неписанным канонам чувашской этики и эстетики. Антология являет чувашскую картину мира и в то же время личностные устремления отдельных поэтов» [Хузангай, 2017, с. 292].

Согласно заключениям исследователей, Н. П. Ижендей в поэме «Суралман ача сасси» («Голос нерожденного ребенка», 1995) создает новый вариант мифа о происхождении лешего, применяет для этого представление народа о добром и злом началах, загробном мире, духах предков, описание обрядов, связанных с рождением ребенка. Смысловое значение используемых поэтом мифологических образов типично и для других авторов чувашской литературы [Софронова, 2021]. В поэме Н. П. Ижендея изображены параллельные миры – реальный мир людей и мир покойников. В рассуждениях лирического героя не раз упоминается образ мирового, родового дерева. Из-за жизненных тягот оно видится ему болезненным, с сухими ветками. С убиением будущего ребенка рушится не только жизнь одной семьи, но и всего чувашского мира.

Авторский стихотворный вариант народного героического эпоса «Улып» (1947, 1996) создал Ф. Сюин (С. Ф. Федоров). Он в течение 60 лет собирал легенды и сказания о великане Улып, защитнике народа, подготовил девять редакций произведения. Последний вариант содержит сорок песен. Произведение Ф. Сюина – не просто литературная обработка имеющихся текстов. По всей видимости, данное творение занимает промежуточное положение между фольклорным и литературным текстом. С одной стороны, автор старался адекватно изложить имеющиеся тексты, выступил как сказитель, с другой – как автор литературного произведения.

В произведении Ф. Сюина переплетаются реальное, условное и мифологическое пространства. К мифологическому пространству относятся семислойное небо, страна *Сут кун* (Свет-страна), подземный мир. Богатырь предстает и в образе демиурга, в преданиях есть также исторические мотивы. Богатырь не раз посещает сказочные страны, достигает их, переплывая волшебные реки, поднявшись на гору [Софронова, 2018, с. 86–90]. Через повествование о судьбе Улып прослеживается историческое прошлое народа: память об Алтайских горах, переселение на Среднее Поволжье с Кавказа, его мифологические представления.

Нередко мифологические элементы формируют подтекст произведения, его символический план. В частности, в творчестве П. Я. Яккусеня запечатлены несколько основных мифологических образов и топосов, что выявляется в названиях книг: «Уй варринче» («Посреди поля», 1987), «Юман чĕлхи» («Язык дуба», 1990), «Савра кўлĕ» («Круглое озеро», 1993), «Кĕмĕл сугиллĕ хирсем»

(«Серебристые поля», 2021). Понятие *çавра*, следует отметить, в сознании чувашей давно перешло в разряд культурных символов¹⁰.

Уподобление художественной структуры стихотворения мифологическому тексту весьма заметно выражается в творчестве И. А. Трера (Дмитриева). Его стихотворения по форме могут восприниматься как литературные параллели или же как продолжение чувашских молитвословий, заговоров и заклинаний («*Çумăр чўкё*» («Моление о дожде»), «*Çимёк каçё*» («Канун семика»), «*Калăм кунё*» («День моления в честь Турă»), «*Аннене, Хёвеле...*» («Матери, Солнцу...», 1993)). В его поэзии оживают многие национальные архетипические образы и мифологемы (*анне* (мать), *çёр-анне* (мать Земля), *хёвел* (солнце), *çил амăшĕ* (мать ветра), *ырăсем* (добрые духи), *вут ама, вут амăшĕ* (мать огня) и др.). Многогранно раскрывается, в частности, образ Солнца. Автор вводит даже глагол-неологизм *хёвелле*, который синонимичен глаголу *очищать*.

Одна из самых неординарных поэтов современности – М. Ф. Карягина. Фольклорные и мифологические элементы являются органической частью ее авторской картины мира [Никифорова, 2023]. В структуре ее произведений явно определяются мифологемы *хёвел* (солнце), *тўне* (небо), *тёнче* (мир, Вселенная), *шыв* (вода), *вут* (огонь), *тёнче йывăçци* (мировое древо) *ама ту* (мировая гора). Причем стихия воды, чаще в форме – *тинёс* (море), была первичной в ранний период творчества (книга «*Хум пăшăлтатăвĕ*» («Шепот волн», 1995)). Исследователи объясняют тяготение к данной стихии на тот момент связью с народно-песенной традицией и бессознательными устремлениями души. Во втором десятилетии XXI в. содержание творчества М. Ф. Карягиной меняется («*Вăхăт тараси*» («Весы времени», 2022)), «*Урăх ару*» («Другое поколение», 2022)). В нем все более проявляется стихия огня; значимыми становятся образы солнца, костра, огненного сердца, и др.

М. Ф. Карягина – «истинная ворожея, язычница (*чĕлхеçĕ-вĕрўçĕ*)», которая «слышит голоса стихий: ветра, дождя, молнии, волны», работает «с истовой верой в магическую функцию языка»¹¹. Получившая благословление своего народа, потомка мифического богатыря Улыпа, она «сквозь пожар тысячелетий видит величие своего народа» («*Эп Улăп йăхёнчен пил илнĕ...*» («Я получила благословление рода Улыпа...», 2006)), пишет, чтобы «в Слове поселилось солнце»¹².

В начале XXI в. Карягина начала создавать произведения в жанре палиндрома. Поэт считает, что «палиндромические стихи, свободные от лишних звуков, своей космической гармонией и необъяснимой внутренней силой – энергией всемогущего слова – помогут упорядочить земной хаос»¹³.

Выводы

¹⁰ Федоров Г. И. Сăнарлă сăмах шыравĕ : тĕпчев ёçĕ. Шупашкар : Чăваш кĕнеке издательстви, 1996. С. 101.

¹¹ Хузангай А. П. Между Сциллой и Харибдой // Республика. 2001. 28 ноября. С. 3.

¹² Смирнова Н. Г. Эп хам та çут çанталăк // Хыпар. 2008. Раштавăн 11-мĕшĕ. С. 3.

¹³ Карягина М. Ф. Урăх ару = Другое поколение = A different generation. Чебоксары, 2022. 176 с.

Мифология в литературном тексте способна наполнить его особым содержанием, расширить и углубить его смысловое поле, и даже стать основой для создания художественной реальности в постмодернизме. Но нельзя соглашаться с широко бытующим представлением о тотальном мифологизме искусства и литературы (В. Е. Хализев) и не нужно преувеличивать роль мифологии в национальной литературе.

В чувашской поэзии мифология проявляется в двух основных формах: включением в художественное произведение мифологических элементов и уподоблением художественной структуры произведения мифологическому тексту. Как правило, во многих произведениях эти формы синтезируются. На рубеже XX–XXI вв. роль мифологии в литературе возрастает, что объясняется отчасти влиянием мирового постмодернизма, с другой стороны – поиском опоры в далеком национальном прошлом.

Список литературы

1. Никифорова В. В. Фольклорно-мифологическое начало в поэзии Марины Карягиной // Национальные картины мира: к 100-летию со дня рождения Р.Г. Гамзатова. Москва : Институт мировой литературы РАН, 2023. С. 174–180.

2. Софронова И. В., Артемьев Ю. М., Владимирова О. Г. Поэтика мифологизма в поэме Н. Ижендея «Голос нерожденного ребенка» // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2021. Том 31. №5. С. 1069–1075. DOI 10.35634/2412-9534-2021-31-5-1069-1076. EDN SINXBH

3. Софронова И. В. Чувашский героический эпос «Улып»: история создания и поэтика // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Том 24. №2. С. 86–90. EDN UTKSZW

4. Хузангай А. П. Без иллюзий: мой современник : литературно-критические статьи. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2017. 255 с.

5. Хузангай А. П. Геннадий Айги // История чувашской литературы XX века. 2-я часть (1956–2000). Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2017. С. 285–296. EDN UFTPMO

References

1. Nikiforova, V. V. (2023). Folklore and mythological origin in Marina Karyagina's poetry., 174–180. National worldviews: on the 100th anniversary of the birth of R. G. Gamzatov. Moscow: Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.
2. Sofronova, I. V., Artemyev, Yu. M., Vladimirova, O. G. (2021). Poetics of mythologism in N. Izhendey's poem "The Voice of an unborn child". I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin. History and Philology series, 31(5), 1069–1075. EDN: SINXBH. <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2021-31-5-1069-1076>
3. Sofronova, I. V. (2018). Chuvash heroic epic "Ulyp": history and poetics. Bulletin of Kostroma State University, 24(2), 86–90. EDN: UTKSZW
4. Khuzangai, A. P. (2017). Without illusions: my time machine: literary and critical articles., 255. Cheboksary: Chuvash Book Publishing House.
5. Khuzangai, A. P. (2017). Gennady Aigi., 285–296. History of Chuvash literature of the XX century. Part 2 (1956-2000). Cheboksary: Chuvash Book Publishing House.